
С. А. НИКОНОВ

ТРИ ПИСЬМА А. И. КОПАНЕВА К И. И. СМИРНОВУ¹

Публикуемые письма составляют лишь незначительную часть переписки двух историков, охватывающую преимущественно период с 1947 по 1953 г. Безусловно, что все письма А. И. Копанева заслуживают того, чтобы быть опубликованными, поскольку являются ценным источником по истории исторической науки Ленинграда послевоенного времени и главного научного учреждения «северной столицы» — Ленинградского отделения Института истории. Достаточно сказать, что среди тем, «звучащих» в письмах, которые, что не вызывает сомнений, так волновали ученых, были такие, как подготовка в ЛОИИ академического издания Судебников XV—XVI вв., обсуждение отдельных книг и многотомников («Очерки истории Ленинграда»), работа внутри Института московских комиссий, явившихся предвестником грядущей ликвидации всего учреждения. Сквозь призму каждой из перечисленных тем просматривается и нечто большее, то, что составляло духовный мир самого автора писем и стиль его взаимоотношений с учителем — И. И. Смирновым.

Несмотря на то что публикуемые письма как бы вырваны из общего контекста переписки, все же они сохраняют свою целостность (все три письма датируются июнем—августом 1953 г.) и смысловое единство по той простой причине, что затрагивают один из самых драматичных эпизодов в биографии А. И. Копанева. Речь идет об увольнении историка из стен родного ему ЛОИИ. Напомним, что постановлением Президиума АН СССР от 20 марта 1953 г. было ликвидировано ЛОИИ, а весь штат Института оказался поделенным на две неравные группы: ученые, попавшие в первую из этих групп, сохранили свои должности при архиве распущенного Института, вторая же группа, где оказался и А. И. Копанев, была вовсе оставлена без работы.² В уже опубликованных очерках

---

¹ Все письма хранятся в личном фонде И. И. Смирнова. См.: Архив СПбИИ, РАН, ф. 294, оп. 1, д. 4 и 5 (в тексте указываются только листы этого дела).

² См.: *Панеях В. М.* Упразднение Ленинградского отделения Института истории АН СССР в 1953 году // ВИ. 1993. № 10. С. 19, 23.

и воспоминаниях о жизни и творчестве А. И. Копанева обращалось внимание на те причины, которые повлекли за собой увольнение историка. Видимо, главной из этих причин явилось то, что в годы войны ученый «волею судеб» оказался в немецком плену.³ «Черное пятно» в биографии историка, а именно так это расценивалось государственной идеологией Советского Союза, могло надолго отлучить А. И. Копанева от науки. Только через Президиум АН СССР, высшую научную инстанцию, историку удалось добиться назначения в Рукописный отдел БАН. По словам самого ученого, такой ход событий был для него наиболее оптимальным, поскольку в РО — «ставка та же и работа с источниками».

В связи с этим — одна любопытная деталь. Читая письма А. И. Копанева за 1952 и 1953 гг., сталкиваешься с интересным фактом: подробно рассказывая И. И. Смирнову о работе в Институте московских комиссий и попытках (тогда еще только попытках) отстранить от работы некоторых сотрудников (В. Г. Геймана, Р. Б. Мюллер и др.), ученый ни разу не обмолвился о том, что подобная судьба грозит и ему самому. Думаю, что разговоры такого рода, а они, вне всякого сомнения, имели место, были предметом частных бесед А. И. Копанева и И. И. Смирнова, а не переписки.

Впоследствии же, когда неминуемое увольнение состоялось, свою посильную помощь в судьбе историка помимо И. И. Смирнова готовы были оказать и некоторые другие сотрудники распущенного ЛОИИ (Н. Е. Носов, Г. Е. Кочин).⁴

В воспоминаниях, посвященных А. И. Копаневу, отмечалось, что историк после увольнения из ЛОИИ не мог найти работу вплоть до своего назначения сотрудником РО БАН.⁵ Но это не совсем так: как явствует из двух последних писем, летние месяцы 1953 г. А. И. Копанев провел в качестве воспитателя в одном из пионерлагерей под Новгородом. Возможно, что к этой работе его привлекла супруга — Александра Прокофьевна, бывшая в ту пору учителем истории в одной из школ Ленинграда.

Надеемся, что публикуемые письма помогут как прояснить некоторые эпизоды из биографии А. И. Копанева, так и прочувствовать «настроение момента» того переломного 1953 г., оказавшегося столь трудным для многих историков Ленинграда.

---

³ *Маньков А. Г.* Человек и Ученый (Из воспоминаний об Александре Ильиче Копаневе) // Александр Ильич Копанев: Сб. статей и воспоминаний. СПб. С. 104—105; *Копанев Г. И.* Из большой крестьянской семьи. Воспоминания младшего брата // Там же. С. 77.

⁴ См. письмо № 1 настоящей публикации.

⁵ Младший брат историка, Г. И. Копанев, писал по этому поводу: «Александр Ильич пытался поступить на работу, но безрезультатно: в школе ему отказали как бывшему военнопленному, хотел устроиться грузчиком, но оказалось, что ученых нельзя принимать на физическую работу» (*Копанев Г. И.* Из большой крестьянской семьи... С. 77).

Дорогой Иван Иванович!

Сегодня я приехал в Л[енинград], завтра уезжаю в лагерь. Сообщаю о московских делах. Мое заявление комиссия разбирала 03.06 в присутствии Сидорова,¹ Иванова, Молчановой, Филиппова и др. Председатель — Светлов — произвел на меня хорошее впечатление.

Но я выразил мои претензии в энергичной форме. Комиссия задала ряд вопросов. Напр[имер], почему я сразу не подал в суд? («Ведь вы хороший работник».) Почему я не переведен в стар[шие] науч[ные] сотр[удники]? Соглашусь ли я переехать в Москву? О плене? И т. д. Я ответил на все с толком. Под конец председатель отдела кадров Академии обратился к Сидорову: не может ли он использовать меня все-таки в Институте. Тот ответил, что нет вакансий по феодализму. Что по договору Ал[ександр] Копанев может работать хоть сейчас и т. д.

Потом меня выслали из комнаты и что-то долго кричали между собой. Затем вновь вызвали меня, и Светлов объявил, что комиссия считает, что восстановить меня в Ин[ституте] нельзя, так как работы по феодализму сокращены. Но комиссия считает, что я могу работать в БАН, и будет просить Президиум перевести меня на работу в Б[иблиотеку] А[кадемии] Н[аук]. А пока суд да дело, я могу взять работу у Сидорова. Решение, конечно, не из лучших, но все же есть некоторый просвет. Сегодня я отправил в Президиум новое заявление, где, опираясь на решение комиссии, прошу пристроить меня в рукопис[ный] отд[ел] БАН. Если бы это удалось, то лучшего ожидать нечего — ставка та же и работа с источниками.

Будем ждать, что скажет Президиум.

На комиссии заявили, что в ближ[айшее] время всех ленинградцев переведут в Москву или, если не захотят, уволим! Так что, Иван Иванович, видимо, Вы скоро переедете в Москву.

Звонил по телефону Елены Ивановны,² но мне какой-то чужой голос сообщил, что Кс[ения] Никол[аевна]³ уехала.

Да! Сегодня, придя домой, нашел открытку — просим в горком к Андрееву. Был. Он сказал, что считает, что с вами поступили несправедливо и «будем говорить с Академией, чтобы она вам дала работу, если не в Институте, то в другом в каком-либо науч[ном] учрежд[ении]». Я ему тогда рассказал о решении комиссии. Он сказал, что позвонит Сидорову и от горкома скажет, что это решение он поддерживает. Тут же заявил, что в местных организациях, если встретятся трудности, они меня поддержат. В Ин[ститу]те поддержку перед БАН предложили Г. Е. Кочин⁴ и Н. Е. Носов.⁵ Так что видите, может быть, что-либо удастся. Во всяком случае, верил в победу разумного, а сейчас еще более укрепился. Вам поклон от А. А. Зимина.⁶ Он в своем «Пересветове»⁷ выступает с «новых позиций» об Ив[ане] Грозном. Напр[имер], Пересветов не выразитель интересов дворянства, а интересов стрельцов, реформы 50 гг. почти все не были осуществлены и т. д. Вообще он говорил, что персонифицировать 16 в. — Ив[аном] Грозным — неправильно. Это, говорит он, на-

строение дня. Например, сняты работы по фильмам («Ив[ан] Грозный», «Дмитр[ий] Донск[ой]») и др. персональные фильмы).

Вот, Иван Иванович, пока и все. Поклон всем вам от всех нас (получил верстку из «Известий» статьи о Москве. Моя фамилия стоит со всеми).⁸

1953 (*проставлено вверху письма карандашом*)

Ваш А. И. Копанев

Л. 42—42 об.

¹ Сидоров Аркадий Лаврович (1900—1966) — историк, с 1949 г. заведующий кафедрой истории СССР МГУ, в 1953 г. — заведующий сектором отечественной истории XIX—начала XX в. Института истории АН СССР, в 1953—1959 гг. — директор ИИ АН СССР.

² Смирнова Елена Ивановна (?—1993) — сестра И. И. Смирнова.

³ Сербина Ксения Николаевна (1903—1990) — историк, источниковед и археограф, в 1936—1990 гг. — научный сотрудник, старший научный сотрудник ЛОИИ. Во время своих поездок в Москву Ксения Николаевна останавливалась на квартире у Е. И. Смирновой.

⁴ Кочин Григорий Евгеньевич (1897—?) — историк, в 1926—1931 гг. — преподаватель средних учебных заведений Ленинграда, в 1931—1935 гг. — научный сотрудник Историко-археологического института, в 1939—1963 гг. — научный сотрудник, старший научный сотрудник ЛОИИ, с 1946 г. — секретарь парторганизации ЛОИИ.

⁵ Носов Николай Евгеньевич (1924—1985) — историк, с 1951 г. — научный сотрудник, в 1969—1981 гг. — заместитель директора, с 1981 г. — заведующий Сектором истории СССР периода феодализма ЛОИИ.

⁶ Зимин Александр Александрович (1920—1980) — историк, источниковед, археограф, в 1947—1980 гг. — младший научный сотрудник, старший научный сотрудник ИИ АН СССР, в 1947—1979 гг. — преподаватель МГИИИ (с 1950 г. — старший преподаватель, в 1950—1970 гг. — доцент, в 1970—1973 гг. — профессор).

⁷ Речь идет о готовившейся А. А. Зиминим книге, посвященной анализу публицистики И. С. Пересветова в контексте идейной борьбы середины XVI в. (см.: *Зимин А. А. И. С. Пересветов и его современники*. М.; Л., 1958).

⁸ О какой именно статье идет речь, установить не удалось.

№ 2

Дорогой Иван Иванович!

Вот я и на новом месте. Деревня, Волхов, Старая Ладога, хорошее питание — все это преимущества этого нового положения.

Бедой является сама работа. Эти люди, для которых сделано все возможное, ведут себя оч[ень] плохо. Мои великовозрастные просто ужасны. Грубы и нахальны. Но как-нибудь переживем.

Из Академии пока ничего нет. Конечно, хорошо бы, если бы последовал перевод в БАН (я Вам подробно писал об этом). Но хорошо бы, если бы лето удалось прожить все-таки здесь. Но посмотрим.

Поклон Вашим.

С поклоном А. И. Копанев

17.06.53

Л. 40.

№ 3

Дорогой Иван Иванович!

Занят с 8 ч. утра до 1 ч. ночи с моими «архаровцами». Делают все необходимое, так что приходится смотреть и смотреть.

Конечно, полностью оторван от жизни: газеты не ходят, радио нет и вечная беготня.

Только на один день вырвался в Старую Ладугу — подышать стариной (наш лагерь на прав[ой] стороне Волхова в полутора километрах от Стар[ой] Ладуги, стоящей на лев[ой] стороне). Осмотрел крепость (развалины), раскопки (залиты водой). Хорошо сохранилась Георг[иевская] церковь XII в. и монастыри конца XVI в.

Что-то молчит совсем Президиум АН СССР. На все мои запросы ни слова. А эта временная работа меня скоро превратит в круглого идиота. Ну подождем, увидим.

Еще раз всем Вашим поклон и лучшие пожелания.

С грустью вспоминаю все прелести ушковских пейзажей,¹ Ваши добрые приемы, Ваши обеды и вообще все.

Числа 5-го я или Шура,² может быть, приедем со сменой в город, проведу ли я вторую смену — не знаю.

Ваш А. И. Копанев

28.06.53 (*проставлено вверху письма карандашом*).

Л. 41—41 об.

¹ Начиная с 1946 г. И. И. Смирнов лето и осень проводил на даче в поселке Ушково, расположенном под Ленинградом.

² Копанева Александра Прокофьевна — супруга А. И. Копанева.